

Общение с Каном-старшим было очень приятным. Он был гораздо мягче Кан Чжэ и, хотя не отличался разговорчивостью, всегда обращался к Тан Юйхуэю с теплотой и спокойствием. Он рассказал, что в молодости жил в Пекине и закончил там университет. Для того времени это было невероятным достижением.

Тан Юйхуэй мог видеть, насколько выдающимся был этот человек — словно воплощение несбыточной мечты, которую сплели все жители его родной земли. Наверняка он покидал родные края, полный высоких устремлений, под взглядами земляков, гордящихся им и провожавших без надежды на его возвращение. Но влияние большого города не сделало его самодовольным или закомплексованным и, что ещё более неожиданно, не удержало его. Отец Кан Чжэ не забыл, откуда он родом и после долгих раздумий решил вернуться на родину.

Эту черту унаследовал и Кан Чжэ, хотя и по другим причинам. Но какие бы искушения и миражи суетного мира ни встречались на их пути, ничто не задерживало их взгляд надолго. Мириады соблазнов мегаполиса не могут соперничать с природной чистотой и стойкостью, выкованными в горах.

После окончания университета отец Кан Чжэ поселился в Гардзе, женился на любимой девушке из местных, несколько лет преподавал в уездном городе. Позже, почувствовав, что не реализует свой потенциал, вернулся в родную деревню, чтобы развивать животноводство. Он начинал с нуля, но благодаря ему несколько деревень выбрались из бедности. Позже он вложил все свои сбережения в строительство школы.

Никто в семье Кан не считал это достойным похвалы или чем-то выдающимся. Для них это было естественно, как течение воды, — они просто делали то, что считали нужным. Великодушие и доброта стали для них чем-то само собой разумеющимся. Тибетцы исповедуют буддизм: что посеешь, то и пожнёшь.

С годами, когда в родных местах появились достойные преемники, Кан-старший постепенно переключил внимание на семью. Дед Кан Чжэ был пастухом, их семья всегда жила в достатке. Отец Кан Чжэ унаследовал стада коз и коров, выгоны на нескольких горных склонах, и начал выращивать зерновые. Он также хотел поэкспериментировать в Кандине с привлечением инвестиций в новые сельскохозяйственные проекты, но из-за нехватки сил и здоровья, а также преклонного возраста, ему пришлось раньше времени отойти от дел.

Мать Кан Чжэ вложила свои сбережения в гостиницу. Супруги занимались в основном скотоводством и земледелием, а в качестве подработки вносили вклад в развитие

туристической отрасли Кандина. Кан-старший всегда хотел, чтобы Кан Чжэ многому научился и либо жил свободной жизнью, либо приносил пользу родному краю. Кан Чжэ не разделял его устремлений, и этим огорчал отца.

Тан Юйхуэю и раньше казалось, что отец Кан Чжэ обладает особой аурой искусного педагога, который, подобно весеннему дождю, орошает всё живое мягко и беззвучно. Услышав его историю, он окончательно убедился в этом и невольно проникся к нему ещё большим уважением. Мягкая, наставляющая манера в сочетании с мужественным лицом тибетца придавала отцу Кан Чжэ утончённость благородного мужа, но без слабости или высокомерия, свойственных некоторым учёным. Когда строгость уходила, он выглядел мудрым и душевным. Именно в присутствии Тан Юйхуэя отец Кан Чжэ неторопливо открывал личный ларец со словами, заговаривая о том, что обычно держал при себе.

— Кан Чжэ с детства был нелюдимым, но как ни странно, все дети его очень любили. В детстве с ним было ещё труднее, чем сейчас: он всегда ходил угрюмый, а сверстники всё равно тянулись к нему, считая старшим братом.

Тан Юйхуэй коротко ахнул и тихо добавил:

— Мм... Могу себе представить...

Отец Кан Чжэ ностальгически улыбнулся:

— У нас здесь ничего нет, не сравнить с внешним миром. Мы с его мамой не хотели, чтобы следующее поколение было заперто здесь как в ловушке, поэтому мы отправили его учиться в среднюю школу в Чэнду. Кан Чжэ очень редко приезжал домой. Во-первых, дорога была дальней и неудобной — тогда ещё не построили хорошую трассу, и день пути в машине мог вытрясти всю душу. Во-вторых, он и сам не особо стремился возвращаться. Тогда мы с его мамой думали, что жизнь в городе... всё-таки лучше. — Договорив до этого места, отец Кан Чжэ расстроено сказал: — Я слишком давно был учеником, ничем не мог ему помочь. Кан Чжэ хоть и мало говорит, но он всегда себе на уме. Мы решили не вмешиваться, поэтому, возможно, уделяли ему меньше внимания, чем следовало...

Затем на лице отца Кан Чжэ снова появилась лёгкая улыбка, в которой гордость была смешана

с каким-то невыразимым сожалением:

— Впрочем, Кан Чжэ раньше и правда не доставлял особых хлопот. Табели успеваемости, которые он присылал после каждого экзамена, на мой взгляд, были вполне приличными.

Тан Юйхуэй тоже улыбнулся:

— Могу себе представить! Кан Чжэ такой умный.

— Эх, жаль, что такой умный учёбу так и не закончил. — Отец Кан Чжэ нахмурился, но в его взгляде почти не было упрёка. — Кан Чжэ с детства был немногословным. Хотя обычно он не любил с нами общаться, но никогда никому не доставлял хлопот. Мы думали, что он, пусть многое и держит в себе, в целом рассудителен. Кто бы мог подумать, что после стольких лет затишья случится нечто из ряда вон выходящее. Проучившись до второго класса старшей школы, Кан Чжэ внезапно бросил учёбу и сбежал домой.

— Почему? — ошеломлённо спросил Тан Юйхуэй.

Отец Кан Чжэ помолчал, затем медленно улыбнулся:

— До сих пор до конца не понимаю почему. Пытаюсь постепенно принять его выбор. — Он вздохнул: — Но тогда мы и подумать не могли об этом. Мы с его матерью были в ярости и отчаянии, дед так разозлился, что чуть не переломал ему ноги. А он наотрез отказался возвращаться. На все вопросы отвечал, что больше не хочет учиться.

Отец Кан Чжэ беспомощно улыбнулся Тан Юйхуэю:

— Я человек очень разумный и не стал бросаться на него с кулаками. Спросил, почему он больше не хочет учиться. Он сказал, что дело не в том, что он не может продолжать, а в том, что он сам не хочет. Не желает.

Тан Юйхуэй удивлённо выговорил:

— Кан Чжэ... он...

В его сердце поднялась волна горького сожаления — за другую жизнь, которую отверг Кан Чжэ. Но тут же он инстинктивно почувствовал гордость. Хотя он не считал этот поступок правильным, в нём была странная красота — будто из ошибки проросло что-то прекрасное и неуместное, будто это и была само собой разумеющаяся, как закон неба и земли, холодная бунтарская дерзость Кан Чжэ.

Тан Юйхуэй грустно улыбнулся:

— Очень похоже... на то, что сказал бы Кан Чжэ.

Отец Кан Чжэ тоже кивнул, чувствуя, как от этого болит голова, но в его меланхолии сквозило облегчение:

— Мы с его мамой долго злились. Наш гнев то затихал, то снова вспыхивал. Потом Кан Чжэ и вовсе перестал приезжать домой. Однажды он пришёл с большим рюкзаком, поужинал и заявил, что уходит. Эх, — беспомощно вздохнул отец Кан Чжэ, — этот ребёнок, право слово... Мы и не знали, где он был все эти годы, чем занимался. Год назад он вернулся, но стал ещё меньше с нами общаться. Поэтому, когда мы видим, как хорошо он к тебе относится, что вы смогли стать друзьями, мы с его мамой бесконечно рады.

Тан Юйхуэй слушал со смешанными чувствами. С трудом проглотив комок в горле, он осторожно спросил:

— Но дядя, неужели у Кан Чжэ нет других друзей?

Отец Кан Чжэ улыбнулся:

— Есть конечно. Это очень странно: он не обращает на людей внимания, но пользуется у них огромной популярностью. Его ровесники, и парни и девушки, его очень любят. У моего друга есть сын по имени Санджи, они с Кан Чжэ выросли вместе, и в детстве Санджи хвостиком бегал за ним.

Тут отец Кан Чжэ замолчал, и на его мягком, спокойном лице проступила ностальгическая печаль. Это выражение, подёрнутое дымкой прошлого, казалось очень нежным и сложным.

— Кстати говоря... Сяо Тан, ты и Санджи, не знаю почему, но мне всегда казалось, что вы чем-то похожи...

Тан Юйхуэй замер и ещё тише и осторожнее спросил:

— Они с Кан Чжэ были близкими друзьями?

Помолчав немного, отец Кан Чжэ посмотрел на чай, на мгновение задумавшись, потом улыбнулся:

— Да.

— Тогда как же...— Тан Юйхуэй, глядя на молчащего мужчину, почувствовал, будто открыл какой-то давно запёртый ящик. Он немного пожалел, что полез с расспросами.

Именно в этот момент вернулся Кан Чжэ. Он бросил взгляд на чашки на столе и равнодушно спросил:

— О чём болтаете?

Тан Юйхуэй не знал, стоит ли отвечать, но, к счастью, Кан-старший взял это на себя:

— Вспоминаем твоё детство. — Он улыбнулся и налил Кан Чжэ чаю: — Я тут жалею сяо Тану, каким несносным ты был раньше.

Кан Чжэ опустил взгляд, взял чашку, выпил залпом и очень спокойно возразил:

— Не помню, чтобы я был несносным. Я всегда всем нравился.

Сердце Тан Юйхуэя тяжело ёкнуло. Однако Кан Чжэ не посмотрел на него, а лишь перевернул пустую чашку Тан Юйхуэя на столе и сказал ему:

— Нечего тут киснуть [1], пошли, прогуляемся.

[1] 晒霉 (shài méi) дословно — сушить плесень на солнце. Киснуть, тухнуть, засиживаться, прозябать.

Тан Юйхуэй изо всех сил постарался, чтобы его голос не дрожал, и шёпотом спросил:

— Куда?

Кан Чжэ задумался:

— Научу тебя ездить на мотоцикле. Пойдёшь?

Тан Юйхуэй покачал головой:

— Я не смогу научиться.

Помолчав несколько секунд, Кан Чжэ равнодушно сказал:

— Не попробуешь — не узнаешь.

Тан Юйхуэй внезапно поднял голову и посмотрел на него:

— А если попробую, точно смогу научиться?

Кан Чжэ посмотрел на него некоторое время, вдруг улыбнулся, и показал тот самый клык, который Тан Юйхуэй давно заприметил. Тан Юйхуэй твёрдо знал, что зубы — это высококальцинированные ткани позвоночных, но зубы Кан Чжэ были его милосердием и его оружием. Его улыбка, такая лёгкая и сладкая, была словно отлита из твёрдой, причиняющей боль эмали. Улыбка, полная отрицания.

— Не знаю, но если не попробуешь, точно не научишься.

Кан Чжэ и Тан Юйхуэй выкатили два мотоцикла. Небо было ясным, как после дождя, по

лазурному своду лебедями плыли облака. Тан Юйхуэй, стоя на широкой, уходящей вдаль дороге, на мгновение ощутил себя остовом, изрешечённым, насквозь продуваемым ветром и совершенно пустым.

«Может, не стоит?» — не мог не подумать он.

Обучение езде на мотоцикле, как и ожидалось, пошло не гладко. Впервые в жизни Тан Юйхуэй почувствовал себя беспомощным учеником. Обычно окружающие легко называли его «умный», «красивый», «гений», «небожитель». Тан Юйхуэй унаследовал интеллект Юй Чжэнцзэ и Тан Жуй, вобрав в себя лучшие черты своего статного и учтивого отца и ослепительно красивой матери. Всё это делало его незаурядным.

Комплименты по поводу внешности не вызывали у него особых эмоций. Он честно считал, что просто схватывает всё быстрее других, и не видел в этом таланта — ведь Тан Жуй часто напоминала ему, что всё это не принадлежит ему по праву. Однако, очевидно, нет людей без недостатков. Ни Юй Чжэнцзэ, ни Тан Жуй не были сильны в спорте, поэтому на открытом воздухе Тан Юйхуэй всегда выглядел неуклюже, не то, что в лаборатории с холодными механическими приборами. По словам Кэ Нина, он выглядел не слишком ловким и скоординированным. Тан Юйхуэй думал, что мотоцикл — тоже механизм, а значит, это должно быть его стихией. Но на практике, оказалось, что управлять им сложнее, чем он предполагал.

Кан Чжэ не допустил никаких происшествий, но, очевидно, был не самым терпеливым учителем: объяснив один раз, он велел Тан Юйхуэю пробовать самому. Тан Юйхуэй видел, как легко Кан Чжэ управляет мотоциклом, и решил, что это не так уж трудно.

Затаив в груди отчаянное самолюбие, он с напускной уверенностью сел за руль. Но когда мотоцикл завёлся, его охватил страх. На поворотах всё тело напрягалось, ладони, сжимающие руль, покрылись потом, а в голове крутилась одна мысль: «Как же мне теперь остановиться?» Тан Юйхуэй старался сохранять спокойствие: Кан Чжэ ехал поблизости, и ему очень не хотелось просить о помощи прямо сейчас. «В худшем случае — умру, — подумал Тан Юйхуэй. — Хотя вряд ли, но мне всё равно нечего терять».

Кан Чжэ сбавил скорость и молча поехал рядом с ним. Они не разговаривали, ветер трепал их рукава, словно наполняя паруса в ясный день. Но страх оставался страхом — он не считался с жалкой гордыней. Тан Юйхуэй нервничал всё сильнее, пальцы впивались в руль. Он понимал, что ему не удалось расслабиться. Тело одеревенело, он был уверен, что следующий поворот станет последним. В этот момент Кан Чжэ, ехавший рядом, вдруг беззаботно рассмеялся.

Тан Юйхуэй, скованный страхом, с трудом заставил себя взглянуть на него и увидел, что Кан Чжэ снял шлем. Он ехал быстро, словно играючи, его руки небрежно лежали на руле, совсем без усилий. Сейчас он, склонив голову набок, лениво смотрел на Тан Юйхуэя и улыбался:

— Как далеко ты собрался уехать? Обрато в Пекин?

Хотя Тан Юйхуэй знал, что не должен испытывать подобных чувств, его тут же пронзила дрожь. Он отвернулся, стиснув зубы. Капля пота сорвалась с подбородка и, скатившись по напряженной шее, скользнула по кадыку, словно жемчужина, вобравшая в себя всю горечь момента, упала на землю и испарилась. Тан Юйхуэй не мог вымолвить ни слова, нервы были натянуты, а сознание стало расплывчатым и мутным. Ему казалось, что ультрафиолет вот-вот превратит его в лужицу весенней грязи, где его плоть обратится в прах. Если бы сейчас с него сняли шлем, то увидели бы его покрасневшее, пылающее лицо.

Кан Чжэ спокойно сказал:

— Не нервничай так. Не бойся, расслабься. Я же только что всё тебе объяснил. Я рядом, я не дам тебе попасть в аварию.

«Такое руководство только учащает сердцебиение», — с отчаянием подумал Тан Юйхуэй. Он ещё не ответил, а Кан Чжэ продолжил:

— Попробуй получать удовольствие, а не просто управлять мотоциклом. Помнишь, как ты в прошлый раз катался на лошади?

Эти слова возымели действие. Тот ветер, что когда-то откликнулся Тан Юйхуэю, снова странным образом пробудил знакомое ощущение свободы, со вздохом пронёсся сквозь его иссохшую, тоскующую душу. Он начал представлять, будто едет на лошади, или на корабле, или вовсе — оседлал ветер. Ясное небо — лишь фон для погони, а сам он — голубь, самолёт, плывущее по небу облако.

Кан Чжэ уже вырвался вперёд. Тан Юйхуэй одной половиной сознания всё ещё напряжённо

следил за мотоциклом, а другой — неотрывно наблюдал за развевающимися на ветру полами куртки Кан Чжэ. «Мне его не догнать», — подумал он.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130173>